

Судебные речи

Константин Арсеньев

Дело Мясликовых

«Public Domain»

1868

Арсеньев К. К.

Дело Мясниковых / К. К. Арсеньев — «Public Domain»,
1868 — (Судебные речи)

«Настоящее дело было рассмотрено Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 17–22 февраля 1872 г. По обвинению в подлоге завещания от имени купца Козьмы Васильевича Беяева суду были преданы Мясниковы Александр и Иван и Караганов. Суть дела состояла в следующем...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Константин Константинович Арсеньев

Дело Мясниковых

Настоящее дело было рассмотрено Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 17–22 февраля 1872 г. По обвинению в подлоге завещания от имени купца Козьмы Васильевича Беляева суду были преданы Мясниковы Александр и Иван и Караганов. Суть дела состояла в следующем.

24 сентября 1858 г. скончался купец К. В. Беляев, Прибывший на его квартиру квартальный надзиратель при осмотре ценностей, бумаг и вещей духовного завещания покойного не обнаружил. Некоторое время после смерти Беляева вопрос о завещании оставался открытым. Лишь 16 октября 1858 г. жена Беляева – Екатерина Васильевна Беляева – предъявила для засвидетельствования домашнее завещание, датированное 10 мая 1858 г.

12 сентября 1859 года племянник Беляева – Мартьянов, узнав о завещании 10 мая возбуждает спор о подлоге, однако до окончания рассмотрения этого, спора он умер от холеры. За дальнейшее поддержание спора о подлоге взялась мать умершего Мартьянова. Но и ей не удалось его завершить – в 1861 году она также скончалась, оставив поручение на продолжение ведения этого дела супругам Ижболдиным и Зое Пешехоновой. Не ожидая окончания спора о подлоге, Ижболдины в 1868 году подают заявление прокурору о возбуждении уголовного дела против обвиняемых по настоящему делу. Проведенным расследованием были собраны доказательства, свидетельствующие о возможности факта подлога завещания. Наиболее существенным из этих доказательств было сознание конторщика Караганова в следующем. По его словам, в день смерти Беляева к Караганову явился Александр Мясников и попросил его исполнить на чистом листе бумаги подпись Беляева, что Караганов, умел делать довольно искусно. Караганов исполнил просьбу Мясникова, не интересуясь вопросом о том, зачем ему это нужно. В предъявленном Караганову после возбуждения уголовного дела тексте завещания он признал тот самый лист, на котором им была по просьбе Мясникова исполнена подпись «Козьма Беляев». Однако с уверенностью сказать, что это был тот самый лист, Караганов не мог. По его мнению, текст завещания от имени Беляева был исполнен его адвокатом – Целебровским, однако и в этом он не – был убежден.

В таком состоянии дело с обвинительным заключением и поступило в суд¹. Защитник Александра Мясникова – К. К. Арсеньев с исключительным вниманием и скрупулезностью разобрал все основные из доказательств по делу. В результате глубокого анализа он сумел показать несостоятельность основных тезисов обвинения. Шаг за шагом, следуя за защитительной речью Арсеньева, убеждаешься в обоснованности позиции защитника и недостаточной аргументированности обвинения. Интересная, исключительно глубокая по содержанию и замечательная по ее юридическому анализу, речь К. К. Арсеньева полностью приводится ниже.

* * *

Я должен прежде всего обратиться к гражданину председателю с просьбой позволить мне исправить одно заявление, сделанное первым поверенным гражданских истцов. Хотя заявление это выходит из пределов судебных прений, так как касается предмета, который не был исследован на суде, но ввиду равенства сторон я считаю себя в праве представить против него опровержение. Поверенный гражданского истца утверждал, что следствие относительно Беляевой прекращено по давности; между тем, сколько мне известно, следствие относительно Беля-

---

¹ Подробнее обстоятельства настоящего дела, а также обвинительную речь по делу см. в книге А. Ф. Кони, Избранные произведения, Госюриздат, 1956, стр. 316–387.

евой прекращено Судебной Палатой по двум причинам: по давности и по недостаточности улик.

Председатель. Действительно, со стороны поверенного гражданского истца, сколько я помню в настоящее время, сделано было заявление о том, что следствие в отношении Беляевой прекращено за давностью, и подобное заявление, как совершенно правильно заметил защитник, выходило из пределов судебных прений, которые должны ограничиваться только тем, что было разъяснено на суде. Затем в имеющемся при деле определении Судебной Палаты от 29 ноября 1871 г. значится, что дело относительно Беляевой, привлеченной к нему в качестве обвиняемой, прекращено, но по каким причинам – на это указания не имеется. Следовательно, заявление поверенного гражданского истца о том, что следствие прекращено за давностью, никем в этом определении не удостоверяется.

К. К. Арсеньев. Я должен обратить внимание еще на одно заявление поверенного гражданского истца. В деле, подобном настоящему, и без того запутанном и трудном, мы должны избегать всего, что напрасно усложняет дело, и я никогда не позволил бы себе говорить о тех личных взглядах и чувствах, с которыми я взялся за защиту А. Мясникова, если бы поверенный гражданского истца не начал свою речь с того, что защите позволительно приниматься за дело, когда есть сомнение, но обвинение – а поверенный гражданского истца держал себя все время как обвинитель – должно быть принято только с полным убеждением.

Я смотрю совершенно иначе на этот вопрос; но, не вдаваясь в подробный разбор его, я постараюсь только передать вам, господа присяжные, мое убеждение в правоте этого дела, и если мне это удастся, то задача моя будет исполнена.

Я весьма благодарен господину представителю обвинительной власти за то, что он по возможности упростил дело, устранив бездну подробностей, вовсе не ведущих к раскрытию истины. Если бы прения вращались в тех пределах, в которых происходило судебное следствие, то, и без того утомительные и продолжительные, они сделались бы бесконечными. Я буду держаться совершенно той же системы, которая принята обвинительной властью, и постараюсь устранить всю массу разнообразных и разноречивых сведений, не имеющих ровно никакого значения для настоящего дела; я буду касаться ее лишь настолько, насколько к тому меня вынуждает речь первого поверенного гражданских истцов. Если бы я хотел держаться другой системы защиты, если бы вообще у защитника, сознающего свое достоинство, могло быть когда-нибудь желание – по выражению одного из моих противников – поддевать вас на удочку, господа присяжные заседатели, то, конечно, мне выгоднее было бы говорить о том, что не идет прямо к делу, потому что в этой массе ненужных данных есть свидетельства более благоприятные для защиты, чем для обвинения; но я согласен идти тем путем, который указан господином прокурором.

Прежде всего надо заметить, что оба противника мои впадают в одно противоречие с самими собой: они говорят, что нужно забыть обо всех тех свидетелях, показания которых, очевидно, неверны и вызваны своекорыстными побуждениями, но вместе с тем как тот, так и другой чрезвычайно много говорят об одном из этих показаний или, лучше сказать, об одной из личностей, дававших эти показания, а именно о Шевелеве. Вы, конечно, заметили в этих объяснениях какое-то странное противоречие. Одно из двух: или Шевелев вовсе не заслуживает внимания – и в таком случае его надо оставить в стороне; или же показание его имеет существенное значение – и в таком случае необходимо дать себе отчет, в чем это значение заключается. И, действительно, если я сказал в начале своей речи, что мы должны быть благодарны обвинению за упрощение дела, то я должен оговориться и прибавить, что мы должны быть еще более благодарны за это Шевелеву. Не будь его объяснений, которые так ясно и реально обрисовали характер целой категории свидетельских показаний, нам говорили бы очень много о показаниях Красильникова, Штеммера и других, которых я даже и называть не стану. Вот почему, господа присяжные, мои противники так горячо стараются унижить перед вами лич-

ность Шевелева; вот почему господин прокурор сравнивает его с Ноздревым, а поверенный гражданского истца возбуждает интересный вопрос о том, религиозен ли Шевелев, верит ли он в присягу.

Я, конечно, не беру на себя защиту Шевелева; человек, способный сделать то, что сделал Шевелев осенью 1866² года, защищаем быть не может; я не могу только не указать на одну особенность его показания, повлекшую за собою, можно сказать, целый ряд разоблачений. Если бы он показывал один, если бы не был спрошен никто более, тогда вы могли бы отнестись к нему с большим или меньшим недоверием, но после Шевелева был спрошен свидетель Ижболдин. Я не стану напоминать сущности показания этого свидетеля, ни перечислять тех противоречий, в которые он впал даже со своим поверенным Сысоевым; но я напомню его смущение, тон его объяснений, совершенно отличный от тона, в котором он давал свое показание. Следовательно, показание Шевелева драгоценно в том отношении, что оно раскрыло весьма важную часть дела. Если бы, например, мы имели одно только показание Исаева, оно могло бы нам казаться чересчур странным: человек почтенных лет, занимавший должность следственного пристава, является к судебному следователю, потом приносит присягу перед судом и два раза сознается в том, что написал за деньги письмо, в котором нет ни одного слова правды. Между тем в связи с показанием Шевелева показание Исаева приобретает весьма большое значение. Вы помните содержание того письма, за которое Шевелев получил награду в настоящем и награду в будущем, то есть условие, которое он заключил с Ижболдиным. В письме этом Шевелев говорил, что Мясников просил его подписаться на Завещании. Представляется ли это письмо отдельно стоящим в этом деле? Нет, об этом же показывал Матвеев, а, по словам Ижболдина, он приехал в Петербург, слышал от Кемпе, что и его просили подписаться на завещании; затем письмо Исаева опять касается того же вопроса, говорит об офицере, приезжавшем просить Исаева подписаться на завещании Беляева.

Таким образом, мы видим целый ряд показаний, направленных к тому, чтобы показать, что Мясниковы обращались ко всем и каждому с просьбой подписаться на завещании, и только тогда, когда Шевелев дал свое показание и когда вы после него выслушали Ижболдина, сделалось невозможным опираться на эти показания – они пали с тем, чтобы никогда не подниматься.

Конечно, господа присяжные, самое правое дело можно вести неправыми средствами; я не могу не признать этого, и центр тяжести защиты должен лежать не в этих показаниях, с которыми я сейчас и расстанусь, но нельзя не сознаться, что если кто-нибудь приступает к делу с уверенностью в том, что на его стороне закон, истина и справедливость, то в большей части случаев он к таким средствам прибегать не станет, в особенности тогда, когда пред ним открывается полная свобода и широкое поле для исследования истины. Если бы Ижболдин прибегал к неправым средствам в то время, когда действовали в судах старые порядки, когда трудно было выиграть дело при известных условиях, тогда, не оправдывая его, можно бы было понять его образ действий, но припомните, когда он стал прибегать к письмам Шевелева, Исаева и другим подобным средствам: в конце 1866 года, когда в Петербурге были введены в действие Судебные Уставы и когда от него зависело несколько раньше подать ту жалобу прокурору, которая в 1868 году послужила исходной точкой для начала предварительного следствия. Когда вы имеете пред собой лицо идущее таким путем, в такое время, тогда, конечно, должно закрасься некоторое сомнение в правоте самого дела, и по средствам можно составить некоторое понятие о цели. Вот почему мои противники с таким необыкновенным усердием разбирали перед вами показание Шевелева.

---

² Согласно его же показаниям Шевелев в 1866 г. составил за вознаграждение от Сысоева (поверенного Ижболдина) заведомо ложное письмо о состоянии наследства Беляева.

Я перехожу теперь к трем вопросам, которые поставлены обвинительной властью, но буду разбирать их в несколько измененном порядке: обвинительная власть говорила сначала о подложности завещания, потом перешла к участию, которое принимал в этом деле Караганов, и, наконец, поставив вопрос о том, кто имел выгоду в составлении завещания, решила этот вопрос против Мясниковых. Я поставлю второй вопрос на место первого и начну с показания Караганова, потому что оно только одно имеет значение прямой улики, одно только может поселить в вас предположение о подложности завещания не путем догадок и более или менее произвольных соображений, а путем факта, который был перед вами засвидетельствован. Затем я перейду с подложности завещания вообще ко всем тем соображениям, которые представлены вам по этому предмету, и, наконец, к третьему, самому главному вопросу – о том, кто имел интерес в составлении завещания, причем я вполне согласен с обвинительной властью и не согласен с одним из представителей гражданских истцов в том, что вопрос о состоянии Беляева имеет существенное значение в настоящем деле. Вот краткая программа, которую я счел нужным изложить перед вами.

Обвинительная власть, как вы могли заметить, придает весьма большое значение показанию Караганова, данному на предварительном следствии и здесь, на суде, перед вами. Для того чтобы определить значение этого показания, нам нужно исследовать его с двух различных сторон: нам нужно рассмотреть внутреннее его содержание и затем обратить внимание на человека, дающего это показание как в тот момент, когда он является перед вами, так и в продолжение всей его предыдущей жизни, игравшей такую большую роль в речи господина прокурора. В показании Караганова, взятом независимо от его личности, конечно, нет ничего точного, твердого, ясного; для того чтобы извлечь из него что-нибудь, имеющее определенный смысл, необходимо произвести над ним целый ряд предварительных операций, устранить все лишнее и с большим трудом восстановить факты, идущие к делу.

Подсудимый Караганов показывал перед вами, что в день смерти Беляева, по предложению А. Мясникова, в его кабинете он написал несколько раз на белых листках слова «Козьма Беляев». Спрошенный затем, знал ли он, для чего это делается, Караганов давал сбивчивые противоречивые ответы и то признавал, то не признавал отношения этих подписей к завещанию Беляева. Ему предъявили завещание, его спросили, на том ли листе он сделал подпись, на котором она находится на завещании.

Я полагаю, что более правильным было бы сделать то, чего не было сделано ни на суде, ни на предварительном следствии, а именно предложить Караганову показать место подписи на белом листе бумаги. Караганов говорит: «Да, кажется, подпись была на этом месте». Возможно ли, чтобы через 14 лет человек, который не помнит, на каком листе он подписался – на простом или гербовом, мог припомнить и объяснить вполне правильно то место, на котором стояла одна из его подписей, так как их сделано было несколько. Далее, где же доказательства тому, что подпись Караганова, сделанная им на белом листе бумаги, есть именно та самая, которую вы видели на завещании? Вы припомните, что один из свидетелей, Красильников, говорил, что было много документов с подложными подписями Беляева. У вас есть один только повод предполагать, что подпись на завещании сделана Карагановым – это сличение почерка, мнение экспертов, которые сказали, что Караганов по свойству своего почерка мог подписаться так, как подписано завещание. Но, я думаю, вы не забыли тех пробных подписей, которые предъявлялись вам, и, вероятно, убедились, что ни одна из этих подписей никакого сходства с подписью Беляева на завещании не имеет; следовательно, мнение экспертов подрывается в самом основании. Для того чтобы доказать вероятность того, что подпись на завещании сделана Карагановым, нужно доказать, но крайней мере, что он способен сделать подобную подпись, а этого доказано совершенно не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.